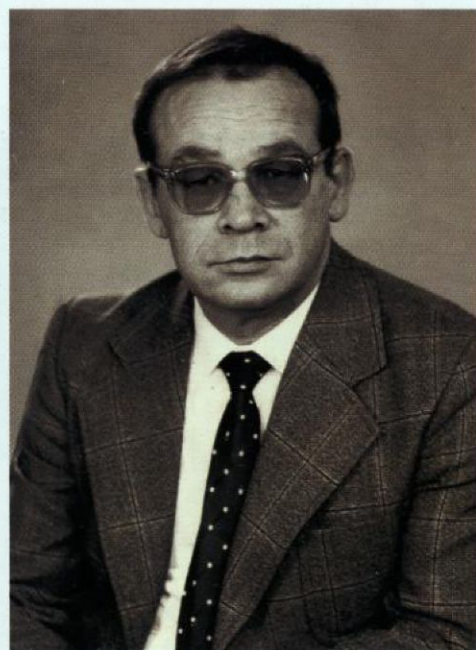

Выдающийся мастер искусства книги

Спешите творить добро.

В творческом наследии Элли Михайловича Юрьева — народного художника Чувашии, автора герба и флага нашей республики, талантливо проявившего себя во многих других видах и жанрах искусства, особое место занимает книжная графика. За долгие годы работы в Чувашском книжном издательстве им оформлено около четырехсот книг. Своими лучшими творениями он доказал, что в искусстве книжной графики нет и не может быть раз и навсегда установленных канонов, незыблемых правил и указаний — при оформлении каждого литературного произведения от художника требуется индивидуальный подход. Этот подход должен исходить из особенностей внутренней структуры литературного произведения, из его жанра, темы, сюжета, стиля и т. д. Только глубоко проникнув во все тонкости литературного творения, художник может языком своего искусства создать его визуально-образительный образ и тем самым помочь читателю воспринять текст в заданном русле.

Обо всем этом красноречиво свидетельствуют книги «Маленькие трагедии» Александра Пушкина, «Нарспи» Константина Иванова и «Слово о полку Игореве», оформленные Элли Юрьевым в 1980-х годах, когда он работал старшим художественным редактором издательства.

Целью данной статьи является освещение хода работы над оформлением этих книг, выявление особенностей художественно-графического языка в сочетании с искусствоведческим анализом творений.

Оформление «Маленьких трагедий» Пушкина в творческих планах Элли Юрьева не значилось. Как снег на голову, среди ясного майского дня 1983 года «свалилось» оно на героя нашей статьи. И хорошо, что это случилось, поскольку мы теперь имеем возможность держать в руках и лицезреть выдающуюся работу мастера в области книжной графики.

Как вспоминал Элли Михайлович, оформление «Маленьких трагедий» вначале было поручено другому художнику. Тот согласился, долгое время убеждал всех, что приступил к работе, а когда уже рукопись надо было сдавать в производство, выяснилось — у него нет обещанного оформления. Чтобы не срывать план издательской деятельности, самому Юрьеву пришлось срочно взяться за оформление. Из воспоминаний Юрьева: «Книга эта де-

лалась очень быстро. Очень энергично мне пришлось тогда поработать над ней. Я понимал, что Пушкина, а тем более это произведение, просто так, в каком-то казенном виде, нельзя было подавать. Главная сложность работы заключалась в том, что действие каждой новой трагедии происходит в разные эпохи, с разными народами и представляет разную материальную культуру. Чтобы быть правдивым в изображении шпаг, кинжалов, эфесов, стилетов, одежды, головных уборов, обуви, я вынужден был все это в быстром темпе изучить, чтобы затем уверенно использовать в своих иллюстрациях».

На всем протяжении работы над книгой Юрьев думал о целостности художественного оформления и добивался ее всеми возможными средствами. Именно с этой целью специально для данного издания он разработал свой готический шрифт, которым исполнены все заголовки и подзаголовки. Активное введение орнаментальных венков и виньеток в оформлении обложки, титульных разворотов, шмуцтитолов, всех заголовков и подзаголовков трагедий, концовок, колонцифр также пронизывает книгу объединяющим началом. В «Маленьких трагедиях» нет ни одной страницы, на которой не были бы использованы графические элементы оформления. С глубоким проникновением в содержание каждой трагедии исполнены сюжетно-событийные композиции для шмуцтитолов. По характеру исполнения они эмоционально страстны и патетично-театральны. Этими же качествами наделены заставки, представляющие главных героев пьес-трагедий. Творческой удачей автора стало графическое решение форзацев, пронизанное стремлением через атрибуты оформления символически объединить все пьесы великого поэта, представляющие в одном издании. Очень содержателен графический портрет А.С. Пушкина на фронтисписе, исполненный художником. В его образе автору удалось передать ощущение неприятия, возмущения, осуждения и, более того, гнева поэта, пронизательный взгляд которого увидел «жуткую трагедию своего времени».

В связи с приближавшимся 80-летием со дня рождения Константина Иванова в Чувашском книжном издательстве был объявлен конкурс на лучшее оформление поэмы «Нарспи». Именно тог-

да, в 1967—1968 годах, Юрьев впервые обратился к иллюстрированию классического произведения чувашской литературы. Но у него был сильный конкурент — Петр Сизов, вся творческая жизнь которого отдана иллюстрированию и оформлению «Нарспи». Действительно, первые самостоятельные шаги в искусстве, профессиональное становление и всенародное признание Сизова-художника были связаны с ней. Короче говоря, Элли Михайлович уступил тогда оформление поэмы Петру Владимировичу.

Шли годы. И в первой половине 1980-х в Чебоксарах вновь заговорили о подготовке к изданию «Нарспи». Юрьев, ставший к тому времени ведущим мастером чувашской книжной графики, начал заранее готовиться к оформлению. Из воспоминаний Элли Михайловича: «Приступая к этой работе, я как бы вышел на творческое соревнование с теми художниками, которые раньше меня оформляли «Нарспи». Каждый из них, и Федор Быков, и Иван Григорьев, и Анатолий Миттов, и особенно Петр Сизов — сказали свое неповторимое слово по графическому истолкованию поэмы. Мне следовало найти свой, особый подход к созданию совершенно нового художественного облика книги».

Приступив к оформлению «Нарспи», Элли Михайлович твердо решил, что его работа во всем должна быть неповторимо уникальной. Начиная от идеи подарочного издания, формата и дизайна книги, кончая фактурой и качеством бумаги, техникой и материалами исполнения, а также выбором гарнитуры шрифта, все в ней должно быть необычно, доселе невиданно. На основе поставленной перед собой сверхсложной творческой задачи художник тщательно продумал архитектуру и оформительский ансамбль книги, с учетом производственно-технического воплощения всего задуманного разработал ее макет.

Затем началась кропотливая и напряженная работа по созданию разворотных иллюстраций, в которых следовало выразить, сообразно тексту поэмы, яркие характеры и осязаемость литературных образов Нарспи и Сетнера, их родителей и Тохтамана, знахаря и других действующих лиц в психологически сложных взаимоотношениях между собой. Следовало также показать своеобразие быта и обрядов чувашского народа, воспеть поэтическую красоту окружающей природы, передать мощь и силу стихий — «молний блеск» или «ветра волчий вой», изобразить картину глухоты в «лесной гудящей чаще»...

Помимо работы над образами главных и второстепенных литературных персонажей, над картинками бытовых сцен крестьянской жизни, реального мира и сельского пейзажа, над всевозможными заставками с изображением фрагментов природы и предметов материальной культуры, нужно было создавать все другие элементы художественного убранства книги: орнаментальные детали, виньетки, картуши, колонцифры, декоративные вставки и т. д. Из воспоминаний художника: «Где-то полтора года я готовил то, чего люди не сразу замечают. Это — фон бумаги. «О, какая тут бумага!» — говорят они, когда начинают листать книгу». Действительно, весь текст поэмы воспроизведен на орнаментированных страницах книги.

Оформительская работа над «Нарспи» продолжалась долго, с февраля по ноябрь 1984 года. В тот период Юрьев почти не отвлеклся на другие издательские предложения. Поэма всецело захватила, увлекла и пленила его. «Пока не кончил «Нарспи», я не могу умереть», — такую патетическую запись

находим в дневнике мастера. Судя по другим записям, лишь в марте следующего года художник полностью завершил оформление поэмы и оригиналы передал в типографию.

Воспользуюсь другими записями Юрьева, связанными уже с оценкой результатов его творческого труда. 4 декабря 1985 года: «Нарспи» признана книгой № 1 из 354 книг, поступивших в октябре с.г. на госинспекцию по качеству при Госкомиздате СССР». 29 декабря того же года: «Айги в восторге от «Нарспи» — «Это твоя вершина! Нет, это вершина чувашской книги! Ничего подобного я не ожидал!»

На мой взгляд, приступая к оформлению «Нарспи», Элли Михайлович не только «вышел на творческое соревнование» с мастерами, до него создавшими свои варианты графической интерпретации поэмы, но и, как художник книги, он хотел превзойти самого себя. Надо признать — это ему удалось. Однако «неповторимая уникальность» в оформлении поэмы, к которой стремился Юрьев и, в конечном счете, добился ее, была встречена в издательстве, в том числе и коллегами-художниками, в штыки. В архиве мастера обнаружилась такая запись: «Когда работал над «Нарспи», меня крестили на всех планерках, собраниях, чернили как могли. А как книга вышла, она была отмечена Госкомиссией по качеству при Госкомиздате СССР...» В отличие от всех предыдущих и последующих книг, оформленных Юрьевым в Чувашском книжном издательстве, в «Нарспи» есть совершенно неожиданные художественно-графические и выразительно-образительные приемы, характеризующие автора как смелого новатора в традиционном виде искусства. Документируя данный постулат, я прежде всего имею в виду трактовку пейзажа в разворотных композициях, где мастер демонстрирует высокую степень обобщения неба, поверхности земли и особенно кроны деревьев. Причем он нарочито использует абстрагированные технико-пластические интерпретации, скажем, мощных и динамичных пучков веток ветлы или всей «шапки» зелени древа, добиваясь при этом ассоциативной переклички художественного оформления книги со всей драматичной фабулой поэмы.

К оформлению выдающегося памятника древнерусской культуры — поэмы «Слово о полку Игореве» — Элли Юрьев обратился в 1964 году, незадолго до окончания Тбилисской академии художеств. К тому времени в стране был опубликован пересказ поэмы, осуществленный Николаем Рыленковым. Из воспоминаний художника: «Это было такое новое, живое и свежее «Слово», что все зачитывались поэмой! Мне тоже было очень интересно, и я решил посвятить ей большие графические листы. Шесть композиций выполнил я тогда по мотивам поэмы. По объему и качеству выполненной работы эта серия листов вполне могла претендовать на самостоятельную дипломную работу».

Приехав после окончания Академии художеств в Чебоксары, Юрьев, все еще находясь под сильным впечатлением «Слова о полку Игореве», оставшиеся дни отпуска решил использовать на поездку в те исторические места, о которых повествуется в поэме. Сначала добрался до Путивля, туда, откуда войско князя отправилось на половцев. Затем доехал до Изюма, где проходили полки Игоря. На обратном пути домой, будучи в Москве, долго ходил по залам Государственного исторического музея — изучал экспонаты, представляющие мате-

риальную культуру Киевской Руси. Делал зарисовки, словно предчувствуя, что они ему еще пригодятся. А в следующие приезды в столицу несколько раз смотрел в Большом театре оперу «Князь Игорь». Внимание художника прежде всего привлекали декорации и костюмы действующих героев. Они способствовали более глубокому проникновению современников в далекую эпоху. Все это волновало, будило фантазию и помогало реальнее представить исторические события многовековой давности.

Наступил 1985-й год, который совпал с 800-летием похода князя Игоря. Местное книжное издательство решило отметить эту знаменательную дату выпуском «Слова о полку Игореве» на чувашском языке в переводе Юрия Семендера. Элли Юрьев, в папках которого накопился солидный подготовительный материал, исподволь настраивавший себя на протяжении двух десятилетий к новой графической интерпретации шедевра древнерусской литературы, был, как говорится, во всеоружии готов к работе над этой книгой.

Представив себе весь комплекс оформительских работ, продумав до мельчайших подробностей все графические и орнаментальные элементы, художник подготовил макет издания. По его замыслу на каждой странице поэмы предусматривалось оформление. Лишь оборот титульного листа и третья страница обложки, вполне осознанно, начисто лишались каких-либо декоративно-графических элементов художественного убранства.

Настрой на восприятие поэмы и ее художественно-графического истолкования дает обложка. Несмотря на повышенную декоративность, она сурово-монументальна и эпично-символична. Со второй страницы обложки разворачивается распашной титульный лист, где в единой композиции в аллегорической форме выражена идея столкновения противоборствующих сил. Спусковая страница книги начинается с заставки — с изображения древнерусского сказителя и гусляра, «вешего Бояна», эмоционально-страстный образ которого призван настроить читателя на глубокое восприятие литературного произведения.

Думается, нет необходимости писать о характере и сути каждого из восемнадцати рисунков. Ни один из них, тем более, напрямую не связан с текстом и не иллюстрирует конкретный сюжет или эпизод поэмы. Эти рисунки введены в структуру книжного оформления в виде одной заставки (образ князя Игоря на четвертой странице), пяти концовок и иллюстраций на широких полях с левой стороны каждой страницы, рядом с текстовым набором (древнерусские воины, седобородый князь Святослав, знамена, мечи, щиты, пики, лук и стрелы, пейзажные мотивы, силуэты хищных птиц в свободном полете или в схватке между собой, завывающие волки и т. п.). Весь изобразительный ряд очень динамичен по характеру исполнения. А по содержанию многие рисунки, особенно те, в которых использованы предметы материальной культуры, создают впечатление исторической достоверности и документальности. Тем самым оформление вызывает у читателя-зрителя особые ассоциации, способствуя, наряду с литературным текстом, более глубокому проникновению сквозь толщу веков в мир «Слова».

Особо следует сказать о введении в оформительский ансамбль издания инициальных букв и древнерусских орнаментальных мотивов, которые усиливают идейно-художественный образ поэмы. Из инициалов (буквиц) как самые изящные, вырази-

тельные и высокохудожественные выделяются «С» и «Т». Колонцифры в орнаментальном обрамлении, размещенные в левом нижнем углу страниц, также обогащают и украшают книгу. Все элементы художественного убранства издания выполнены сандаловым цветом, который, кстати, начиная от обложки, проходит через всю книгу.

Значительную часть времени при оформлении поэмы Юрьев использовал на создание трех разворотных композиционно-сюжетных иллюстраций. В первой из них представлен князь Игорь, готовый отправиться со своей дружиной в героический поход. В образах всех вооруженных воинов видна решительная готовность к предстоящей схватке с половцами. Напряженный колорит иллюстрации «Князь Игорь собирает свое войско в поход» передает состояние опасности, нависшей над раздробленной Русью, предвещает неминуемую гибель на поле брани большинства ратников.

Во второй композиции «Битва Игоря с Кончаком» изображена батальная сцена — яростное сражение двух конных богатырей, древнерусского и половецкого, на фоне кроваво-облачного неба со множеством стрел, устремленных навстречу друг другу. Художник мастерски передал схватку противоборствующих воинов, каждый из которых искусно владеет своим оружием, умеет в нужный момент прикрыть себя щитом или увернуться от смертоносного удара противника. Сцена сражения богатырей, по воле художника-оформителя ставшая кульминационной, призвана передать накал всей бойни между древнерусским войском и половецкими полчищами.

Театрально-патетична и торжественно-печальна третья разворотная композиция, представляющая горем убитую Ярославну на оборонительно-сторожевой стене Путивля. Драматичность ситуации в «Плаче Ярославны», как и в первых двух иллюстрациях, вновь подчеркнута колористическим состоянием листа. Крепостная стена с башнями, пятикупольная белокаменная церковь за высокой оградой, полыхающие облака за спиной княжны, белая одежда причитающей женщины — все это словно пронизано заревом гигантских пожаров, вспыхнувших на многострадальной земле Древней Руси.

Рассмотренные композиции иллюстраций частично обрамлены двумя видами ленточных орнаментов, в художественном строе которых использованы те же элементы и мотивы, что и в рисунках инициальных букв и в украшениях колонцифр. Следует обратить внимание на то, что эти ленточные орнаменты, чередуясь, проходят через все оформление, над колонками текстов ими украшена каждая страница книги.

Таким образом, весь арсенал изобразительно-графических, живописно-пластических и орнаментально-декоративных приемов и средств, использованных Элли Юрьевым в оформлении «Слова о полку Игореве», направлен на создание целостного художественного образа книги, призванного усилить выразительность героико-драматического содержания поэмы, передать ее напряженную эмоциональную атмосферу, отразить характер и дух эпохи.

В заключение следует отметить, что Э.М. Юрьев проникновенно выразил общеизвестный постулат — искусство книжной графики имеет синтетический характер, который обязывает художника достичь сложного единства текста, графики и конструкции. При этом надо подчеркнуть, что он наглядно продемонстрировал безграничные возможности дизайнера книги.